

ОЛЬГА ВЛАДИМИРОВНА ЧУРАКОВА

кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Высшей школы социально-гуманитарных наук и международной коммуникации
Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова
(Архангельск, Российская Федерация)
ochurakova@yandex.ru

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ВОЕННО-САНИТАРНЫХ ПОЕЗДОВ: ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ АНТРОПОЛОГИИ ФРОНТОВОЙ ЭКСТРЕМАЛЬНОСТИ

А н н о т а ц и я . Статья посвящена недостаточно изученным аспектам фронтовой повседневности – обыденной жизни военно-санитарных поездов в период войн первой половины XX века. За период функционирования железнодорожной военно-эвакуационной службы менялись ее структура и система управления, наращивался потенциал транспортировки раненых бойцов, улучшалась инфраструктура. Между тем большинство проблем повседневной жизни военно-санитарного поезда оставались прежними. Цель данной работы – раскрыть исследовательский потенциал антропологии фронтовой экстремальности, используя материалы повседневной жизни военно-санитарных поездов в России первой половины XX века. Для анализа «малых жизненных миров», примером которых являлось пространство санитарного поезда, применим широкий спектр методологических подходов из ресурсов истории повседневности, социальной истории, исторической психологии, микроистории, эмоциологии. В русле историко-антропологических подходов могут быть исследованы стратегии выживания в ситуации маргинального состояния передвижного средства спасения и экстремальности нахождения между театром военных действий и тылом, между жизнью и возможностью смертельного исхода. Источниками исследования, помимо материалов архивов, являются документы личного происхождения. Из последних лучше всего представлен корпус его-документов медицинских работников среднего звена – сестер милосердия, менее – врачей и санитарных работников и практически отсутствуют повествовательные источники, созданные работниками железных дорог. Сложности представляют интерпретации визуальных источников (фотографий, кинохроники) и репрезентаций казуса санитарного поезда в художественной культуре. В результате проведенного исследования обозначены лакуны для проведения научных изысканий и выявлены ресурсы для применения новых исследовательских трендов. Рассмотреть формирование адаптационных практик в условиях походной жизни и выявить компенсаторные функции культурных мероприятий в ограниченном пространстве поезда позволяет историческая психология. Имагология и гендерные исследования могут быть эффективно использованы для анализа межнациональных и гендерных коммуникативных практик. Наибольший успех в освоении данной темы принадлежит междисциплинарным исследованиям, на пересечении научных полей которых возможна подготовка монографий.

К л ю ч е в ы е с л о в а : военно-санитарные поезда, медицинская служба, эвакуация раненых, история повседневности, антропология экстремальности, адаптационные практики

Д л я ц и т и р о в а н и я : Чуракова О. В. Повседневная жизнь военно-санитарных поездов: исследовательский потенциал антропологии фронтовой экстремальности // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45, № 1. С. 83–92. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.856

ВВЕДЕНИЕ

В конце XX века исследования истории войн в России пополнились новыми траекториями научного поиска, которые позволили ученым «заглянуть за кулисы» театра войны и увидеть особенности «фронтовой повседневности» комбатантов и нонкомбатантов. Таковой явилась

военно-историческая антропология, которая основывается на «системном изучении человека в контексте военной истории» [20: 7]. Методологические основания данного исследовательского направления, в том числе и историография изучения «фронтовой повседневности», представлены в трудах Е. С. Сеньявской, А. С. Сеньявского,

А. Э. Ларионова, Е. Н. Кринко и других авторов [11], [12], [21], [22], [23]. Кроме того, в изысканиях XXI века российскими учеными используются такие научные поля, как имагология, история эмоций, новые концепты и понятия: «антропология экстремальности», «адаптационные повседневные практики» [28: 192].

Цель данной работы – раскрыть исследовательский потенциал «антропологии экстремальности» на материалах повседневной жизни военно-санитарных поездов в России в период войн первой половины XX века. Поезд, как и любое транспортное средство, предназначенное для эвакуации военных, находится в постоянном положении маргинальности, курсируя между фронтом и тылом, а эвакуируемые – в пограничном состоянии между жизнью и смертью. Постоянная смена внешних (географических, климатических) факторов порождает обстановку нестабильности, а замкнутость пространства усугубляла ситуацию психологической напряженности. Следовательно, мир жизни военно-санитарного поезда в периоды вооруженных противостояний может быть успешно прочитан в дискурсе антропологии фронтовой экстремальности.

Основными источниками исследования данной темы являются материалы архивов и музейные коллекции¹. Не менее важны и официальные документы, регламентирующие пространство поезда, его оснащение, штат служащих и описание их деятельности². Наиболее значимыми источниками для воссоздания атмосферы повседневной жизни военно-санитарного поезда являются документы личного происхождения, прежде всего – записки и воспоминания служащих военных транспортов. Более всего мемуаров и автобиографий (в дискурсе гендерных исследований используется термин «автобиографии») оставили сестры милосердия периода Первой мировой войны³. В ряде музеев России представлены биографические данные работников санитарных поездов периода Второй мировой войны⁴. Уникальными источниками для реконструкции «психологического климата» походной жизни являются записки литераторов, служивших в санитарных поездах: К. Паустовского, В. Вересаева, А. Вертинского, В. Пановой [14]. События военных лет нашли отражение в документальных и художественных произведениях данных авторов⁵.

Весьма информативными являются визуальные источники (фотографии, плакаты, открытки, кинохроника), однако существует проблема их интерпретации. С одной стороны, они по-

зволяют увидеть санитарные поезда «снаружи и изнутри», проследить различные стороны их деятельности, эволюцию униформы служащих и медицинских работников⁶. С другой стороны, подобные документы не вполне достоверны: зачастую это были постановочные кадры. Подобный идеализированный образ санитарного поезда «с комфортабельнейшими постелями и наизыящнейшей уполномоченною дамою» иногда видит и читатель художественной литературы⁷. Наиболее реальное воспроизведение действительности поезда можно увидеть в фильмах советского периода, например, в созданных по повести В. Пановой «Спутники» кинолентах «Поезд милосердия» (1964 год, режиссер И. Хамраев), «На всю оставшуюся жизнь» (1957 год, режиссер П. Н. Фоменко), эпизодах фильма «Офицеры» (1971 год, режиссер В. Роговой) и др. [16: 107].

Таким образом, в распоряжении историка имеется вполне весомый корпус документов, позволяющий выявить особенности повседневной жизни передвижного санитарного средства в условиях военного времени.

ВОЕННО-САНИТАРНЫЕ ПОЕЗДА: ОТ ЭВАКУАЦИИ ДО ПЕРЕДВИЖНОГО ГОСПИТАЛЯ

Тема функционирования эвакуационной службы и передвижных лазаретов достаточно хорошо озвучена в работах современных историков. Так, в исторической литературе освещен на уровне научных публикаций период появления санпоездов в России в годы русско-турецкой войны 1877–1878 годов [3], [26]. Авторы статей, как правило, уделяют внимание описанию «Санитарного поезда № 1 имени Государыни императрицы», особенности службы медицинских работников которого хорошо известны благодаря запискам одного из них – Ф. Ф. Шперка⁸. К концу русско-турецкой войны в арсенале российской армии было уже более двух десятков санитарных составов. В источниках того времени указывалось 23 поезда⁹, а по подсчетам современных историков их было 31, и, кроме того, для эвакуации раненых и больных с театра военных действий были задействованы 99 воинских составов с «теплушками» и 57 сборных, состоящих из разного типа вагонов [7: 158]. Оборудованы вагоны военно-санитарных поездов были двумя способами: «стационарными» (статичными) носилками и «тарантасными станками» на рессорах. Второй способ, по мнению военного врача Н. В. Склифосовского, был «удобоприменнее»: раненый меньше ощущал тряску вагона, станки легко разбирались и складывались¹⁰.

В период русско-японской войны 1904–1905 годов численность санитарных транспортов значительно выросла (по некоторым данным, к 1 февраля 1905 года было сформировано 92 санитарных поезда¹¹), так как их финансированием занимались Главное управление Генерального штаба, главный военно-санитарный комитет при Военном совете, Российское общество Красного Креста, члены императорской семьи Романовых, общественные организации и частные благотворители. Следует отметить, что деятельность санитарных поездов в годы войны с Японией – одна из самых драматичных страниц за всю историю существования данного вида транспорта, так как в период войны линия фронта не раз подходила вплотную к железнодорожным путям и погрузка раненых шла буквально под огнем противника. В пути работников санитарных поездов ждали бытовые трудности: необходимо было решить проблемы с питанием раненых, отоплением вагонов, стиркой белья, размещением воинов в вагонах. По положению 1904 года состав поезда должен был принимать около 250 человек, но на деле, поставив в солдатских вагонах третий ярус носилок, вместимость поезда увеличивали до 500 человек. Раненые бойцы воспринимали поезд как единственный способ спасения. По воспоминаниям одного из участников войны, «после больших сражений раненые солдатики напозлали во все щели, стояли на площадках... висели над буферами, цепляясь уцелевшими руками и ногами за малейшие выступы»¹². Оказание медицинской помощи в пути осложнялось тем, что в составах поездов еще не было переходов между вагонами и медицинский персонал вынужден был на ходу перебираться из вагона в вагон, перепрыгивая по крышам, а медицинские сестры

«принуждены были заниматься несвойственной их полу и костюму гимнастикой, вскарабкиваясь на так высоко отстоящие от земли ступеньки вагона, что даже не всякий солдат мог на них задрать ногу»¹³.

В наибольшей степени отвечали потребностям эвакуации бойцов с линии фронта «именные» поезда, патронированные представителями Дома Романовых: в их составах были вагоны-прачечные, кухни, иногда даже рентген-кабинеты, электрическое освещение. Однако появление таких транспортов на путях сообщения осложняло работу железнодорожных служб: их надлежало пропускать вне очереди, а раненых они могли эвакуировать намного меньше, нежели поезда Красного Креста или военного ведомства.

Ситуация мало изменилась к началу Первой мировой войны. За несколько лет до военной

кампании Николай II вынес вердикт о «безотрадном состоянии в России санитарно-врачебного дела» [13: 229]. Тем не менее назначенный в начале Первой мировой войны Верховным начальником санитарной и эвакуационной части при штабе Верховного главнокомандующего А. П. Ольденбургский сумел наладить работу санитарных поездов, преодолев нехватку транспортных средств, оборудования, медицинского персонала. Деятельность принца Ольденбургского на данном посту оценивается неоднозначно, а между тем если в начале войны в распоряжении военных было 100 военно-санитарных поездов, то осенью 1914 года у одного только военного ведомства их было уже 259 [1: 27, 29]. В декабре 1916 года в российской армии действовало уже 400 военно-санитарных поездов [25: 220]. Деятельность военно-санитарных поездов в России в период Первой мировой войны достаточно хорошо изучена исследователями, чему способствует наличие огромного комплекса документов по данной теме в архивах РГВИА, ГА РФ и региональных архивных хранилищах [5], [9], [25].

В период становления советской власти произошла полная реорганизация лечебно-эвакуационной системы и сосредоточение ее под единым руководством. В феврале – марте 1918 года Всероссийской коллегией по формированию РККА была создана система лечебно-эвакуационного обеспечения войск [6: 10–12]. Служба военно-медицинской эвакуации совершенствовалась в годы интербеллума, а численность военно-санитарных эшелонов стремительно выросла за период Великой Отечественной войны: с 334 в 1941 году до 579 в июне 1945 года [4: 12–14]. Увеличилась и мощность железнодорожных составов: в этот период поезда состояли из 17–18 вагонов на 374–507 мест [17: 29–30]. Причем тыловые поезда представляли собой не просто транспортные средства для эвакуации раненых, а передвижные лазареты. Более четко работали и все вспомогательные службы, благодаря чему за годы Великой Отечественной войны медицинским работникам санпоездов удалось вернуть в строй 72,3 % раненых и 90,6 % больных военнослужащих [18: 120].

Таким образом, за первую половину XX столетия потенциал и эффективность работы военно-эвакуационной службы были увеличены, и если в войнах начала XX века поезда воспринимались прежде всего как средство эвакуации раненых, то в период Второй мировой войны тыловые военно-санитарные поезда функционировали уже

как передвижные госпитали с вполне развитой инфраструктурой.

АДАПТАЦИОННЫЕ ПРАКТИКИ В УСЛОВИЯХ ПОХОДНОЙ ЖИЗНИ

Интересно проследить то, как формировались адаптационные практики в условиях походной жизни. В императорской армии ставка в реабилитации бойцов делалась на духовную жизнь и потому велика была роль священнослужителей, сопровождавших поезда. Они не только совершали таинства исповеди и причащение умирающих (для верующего человека было страшно умереть без причастия), но и несли духовное утешение бойцам. В военно-санитарных поездах практиковалась раздача духовной литературы, иконок, открыток и подарков к православным праздникам. Но были случаи, когда наряду со снабжением бойцов душевспасительной литературой им в руки попадали и книги другого рода. Один из пациентов поезда времен русско-японской войны вспоминал:

«...супруга управляющего... барыня бедовая: она ходила без формы сестры милосердия и давала раненым читать не Евангелие или другие “приличествующие случаю” духовно-назидательные книги, а Польде-Кока¹⁴, справедливо рассуждая, что раненый не есть обыкновенный больной, что у него особая психика и что ему более необходимо развлечение, чем благочестивое размышление»¹⁵.

Действительно, санитарные составы снабжались и светской литературой, более всего она была востребована в поездах «дальнего следования», где пассажиры испытывали особенный сенсорный голод. Уже в годы русско-японской войны местные организации РОКК собирали книги для раненых бойцов, причем репертуар подбирался отдельно для офицеров и нижних чинов. Например, в 1905 году для поезда, следующего по маршруту Иркутск – Москва, было укомплектовано 4 офицерских и 7 солдатских библиотек [2].

В советское время для поднятия духа выздоравливающих воинов использовались различные формы культурного досуга: им читали газеты, проводили беседы и организовывали музыкальные вечера. Компенсаторная функция музыки в периоды войн достаточно хорошо изучена исследователями [24], [27]. Между тем реконструкция воинского репертуара для камерного исполнения в вагоне поезда, анализ воздействия различных музыкальных жанров на находящиеся в экстремальной ситуации людей могли бы дополнить исследование темы новым материалом. В период Великой Отечественной войны в составах неко-

торых поездов были сформированы агитбригады, силами медицинского персонала проводились концерты и мероприятия¹⁶.

Состояние катарсиса для больных с астеническим синдромом давала не только духовная пища. Рекреационную функцию выполняла сама атмосфера поезда, если вагоны были укомплектованы чистыми постельными принадлежностями, печами, чайниками и посудой, – все это создавало ощущение возвращения к мирной жизни, сублимацию домашнего очага. «Праздниками» для воинов и российской, и Красной армии были банные дни. В периоды войн начала XX века эти процедуры проводили специальные подразделения, а в первые годы Великой Отечественной войны было налажено производство «бань на колесах»: появились вагоны-душевые, парные, комнаты отдыха. В результате подобных мероприятий происходило то, что на современном языке называется перезагрузкой организма.

ЛАКУНЫ И РЕСУРСЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

Следует отметить, что не все аспекты медико-эвакуационной деятельности исследованы в полной мере. Так, в российской и советской историографии по достоинству оценен вклад железнодорожной службы в дело функционирования медицинской помощи бойцам: «слаженная, организованная, нацеленная на победу над врагом, работа железнодорожников оказала незаменимую помощь фронту» [8: 164]. Это касается периодов всех войн XX века. Однако за гранью исследований остались особенности повседневной жизни железнодорожников, обслуживающих военно-санитарные поезда. Важно то, какой ценой была обеспечена бесперебойная работа транспорта: работникам железных дорог приходилось решать вопросы с пополнением запасов топлива, исправностью составов, сменностью и подготовкой кадров в военное время и многие другие. При этом они испытывали такие же бытовые трудности и психологические нагрузки, как и медицинский персонал поезда. Кроме того, у российских железнодорожников в период Второй мировой войны нередко возникали проблемы с оплатой труда, снабжением продовольствием и промышленными товарами, обеспечением обмундированием и даже военкоматами [4: 15–17].

Наибольшей исследовательской лакуной остается жизненный мир санитарных транспортов. Показательно, что в бытовании вынужденных пассажиров мобильных лазаретов в периоды всех войн первой половины XX века было много

общего. Прежде всего повседневная жизнь отличалась экстремальностью. Одна из характеристик «фронтальной повседневности» – нахождение человека в ситуации стресса от возможной опасности, близости смерти. Как отмечают исследователи, «военная повседневность... подчиняется общим закономерностям исторических исследований повседневности», однако «имеет свои особенности... определяемые экстремальностью» [22: 244].

Вне сомнения, санпоезда были зонами чрезвычайной нестабильности. Причем маятник, колебавшийся между мирной жизнью и военной, был смещен в сторону последней: санитарные составы, в нарушение международных конвенций, часто попадали под обстрелы, являясь легкой мишенью для врага [4: 14], [5: 14], [9]. Война сама по себе – явление с сильной эмоциональной репрезентативностью, а «жизнь на колесах» усугубляла обстановку психологической напряженности. Раненые бойцы вынуждены были бороться с проявлением и физических, и психических страданий. Следует отметить, что в составах поездов в период Первой мировой войны предписывалось иметь вагон и определенный штат персонала для перевозки душевнобольных бойцов¹⁷. Неслучайно именно на материалах войн «выросло» в конце XX – начале XXI века исследовательское направление «история эмоций». В данном дискурсе при анализе состояния пациентов санитарных поездов могут быть выявлены сущности категорий «страх», «страдание» и «сострадание», «альтруизм» и «психологическое выгорание», порожденное длительным пребыванием человека в «нечеловеческих условиях», – то, что в медицине именуется астеническим синдромом. Поведенческие стереотипы и коммуникативные практики, формирующиеся в замкнутом пространстве в экстремальных условиях, могут быть исследованы в рамках исторической психологии. Между тем проявление психотравматизма военного времени, как и тема «телесности» (контузии, психозы, стремление к суициду инвалидов и пр.), не были предметом исследования историков XX века в силу идеологических шор и отсутствия надлежащего корпуса источников, прежде всего нарратива. Лишь в последние десятилетия введены в научный оборот документы личного происхождения, касающиеся данной темы. Однако и здесь есть своя специфика: чаще всего это воспоминания бывших раненых и медицинского персонала санитарных транспортов, написанные годы спустя. Кроме того, в данном корпусе источников есть и гендерная, и социальная асимметрия: лучше всего представлены его-документы женщин,

в особенности сестер милосердия, менее – врачей и санитарных работников и практически отсутствуют повествовательные источники, созданные работниками железных дорог. Это определялось, во-первых, гендерной идентичностью авторов мемуаров, так как, по мнению представителей исторической феминологии, «женщина сильнее ощущала... в силу своих психологических и физиологических особенностей, перегрузку войны»¹⁸. Во-вторых, в первой половине XX столетия была традиция ведения дневников и переписки. Причем девушки начала XX века не боялись «изливать свои чувства» (иногда с чрезмерной, на взгляд читателя XXI века, экзальтацией), но именно такие источники и важны для выявления психологической составляющей пространства поезда. В женских записках присутствует целый спектр эмоций, позволяющих выявить мотивацию их служения в передвижных госпиталях: одних девушек влекла «кипучая поездная жизнь с массой впечатлений и огромным разнообразием» [10: 40], других – чувство патриотизма, третьих – денежное довольствие. Поэтому поведенческие практики служения медицинских работников в санитарном поезде были очень разнообразны. Однако в большинстве своем девушки самоотверженно трудились: «лечили, и дежурили, и ухаживали, и грузили, и носили, и стирали, и варили, и кормили, и охраняли»¹⁹. Кроме того, что «сестры сталкивались с бытовой неустроенностью», молодые женщины зачастую встречались с «проблемами во взаимоотношениях с персоналом и военными» [10: 45]. Наиболее полное и острое исследование темы поведенческих девиаций представлено американским историком и антропологом Лори Стофф [30]. По мнению российских ученых, книга Л. Стофф

«бросает вызов... мифам военной истории... которые своим умолчанием... скрывали от аналитиков реальный вклад медсестер... в российские военно-медицинские достижения» [15: 245].

Следует отметить, что в качестве источников Лори Стофф использует тексты, созданные сестрами милосердия военно-санитарных поездов (Александры Толстой, Татьяны Варнек и др.). Сравнивая деятельность медицинских сестер в разных странах, зарубежные авторы (Лори Стофф, Кристина Халлет) отмечают, что для россиянок помощь раненым была не просто работой, но служением [29], [30].

Обращение к истории деятельности военно-санитарных поездов позволяет проследить эволюцию санитарной службы на протяжении полувека. Интересно, что если в начале XX века

«санитарная прислуга» («санитарные служители») набиралась из малограмотных «простолудинов», то в годы Первой мировой войны в рядах санитаров было немало представителей творческой интеллигенции. Мемуары, эпистолярное и творческое наследие самых известных из них – А. Вертинского, К. Паустовского, С. Есенина являются прекрасным источником для воссоздания атмосферы жизни санитарного транспорта [14: 39–42]. Показательно, что в период Гражданской войны в русле начавшейся трансформации гендерных ролей в штате военных поездов появились женщины-санитары, они практически заменили мужчин на этой тяжелой работе в годы Великой Отечественной войны.

Таким образом, штат военно-санитарного поезда – это живой организм с особой иерархией и сложностями социальных, гендерных, культурных установок персонала. Помочь выявить специфику данных взаимосвязей призваны военно-историческая антропология, историческая психология, гендерные исследования. Например, гендерная лингвистика «позволяет проследить особенности речевого поведения мужчин и женщин» в процессе их взаимоотношений [19: 24]. Источниками для подобных исследований могут служить «автобиографии» врачей и медицинских сестер: именно в них представлен наиболее широкий арсенал вербальных презентаций самоощущений авторов. Чтобы выявить степень интенсивности работы в военно-санитарных поездах, следует сравнить мемуары сестер милосердия санитарных транспортов и тыловых госпиталей²⁰. Показательно, что в период войн начала XX века врачи, медицинские сестры и санитары жили на разных «социокультурных этажах» и не всегда «понимали» друг друга, а в период войн середины XX века все они говорили уже «на одном языке».

Еще одно направление исследований – имагология через призму «свой» vs «чужой» рассматривает особенности гендерных, социальных и межнациональных коммуникаций. Женевская конвенция 1864 года предписывала оказывать медицинскую помощь раненым вне зависимости от принадлежности к воюющей стороне, и именно в поезде зачастую происходила первая встреча с противником вне поля боя. Эта вынужденная коммуникация порождала различные ситуации: от открытого конфликта до возникновения дружеских отношений.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, материалы повседневной жизни военно-санитарных поездов в России в период

войн первой половины XX века имеют огромный исследовательский потенциал для реконструкции российского военного прошлого в дискурсе антропологии экстремальности.

Антропология фронтовой экстремальности – междисциплинарное поле гуманитарных исследований, однако материалом для них служат конкретные исторические реалии, в данном случае связанные с проблемой эвакуации с театра военных действий раненых и больных воинов. В первой половине XX века основным транспортным средством медико-санитарной эвакуации был военно-санитарный поезд. За первую половину прошлого века отечественная железнодорожная военно-эвакуационная служба претерпела значительные изменения: менялась нормативная база формирования составов, улучшалась их техническая оснащенность, совершенствовалась инфраструктура службы медицинской эвакуации. Между тем в обыденной жизни военно-санитарных поездов в период всех войн первой половины XX существовало немало проблем, как бытовых, так и психологического характера. Феномен военно-санитарного поезда – яркий пример конвенциональной культуры, так как жизнь его «штатных единиц» была строго регламентирована законами военного времени и сложной системой иерархий – военной и медицинской, а в период Российской империи – еще и социальной. Мир санитарного транспорта в военное время – явление многоаспектное, и изучение повседневной жизни персонала поезда возможно лишь объединенными усилиями ученых, занимающихся историей медицины, и представителей гуманитарного знания: историков, социологов, психологов, этнологов, культурологов, антропологов.

Для воссоздания атмосферы жизни поезда в режиме «труд – быт – отдых» необходимо применение как традиционных, так и новых исследовательских трендов. В русле историко-антропологических подходов, исторической психологии и истории эмоций могут быть исследованы особенности походной жизни в замкнутом пространстве поезда, формирование адаптационных практик и стратегии выживания в ситуации экстремального состояния. Имагология и гендерная экспертиза способны выявить специфику межнациональных и гендерных коммуникативных практик. Вне сомнения, междисциплинарные исследования наиболее эффективны для комплексного анализа экстремальной военной повседневности.

Следует отметить, что мир военно-санитарного поезда является отражением общих ментальных установок человека в период военных конфликтов.

За первую половину XX века в России менялись политические режимы, шла модернизация общества, однако в годы военных испытаний россияне неизменно демонстрировали проявление высоты человеческого духа. Служба персонала военно-

санитарных поездов – это многочисленные примеры мужества, самоотверженности, патриотизма. Исследование данной темы важно для формирования коммеморативных практик и увековечивания памяти о войнах России.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Анализ архивных источников по данной теме не входит в задачи статьи, тем не менее хотелось бы обратить внимание исследователей на то, что огромный комплекс документов (по большей части не введенных в научный оборот) по истории военно-санитарных поездов находится в государственных архивохранилищах страны. Материалы периода Российской империи – в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА) и Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ); документы советского периода (иногда дела по военно-санитарным поездкам датируются с 1914 года) – в Российском государственном военном архиве (РГВА), Центральном архиве Министерства обороны Российской Федерации, его филиалах и архивных отделах, в Военно-медицинском музее Министерства обороны РФ и других музеях страны.
- ² Эвакуация больных и раненых с театра военных действий // Санитарная служба русской армии в войне 1914–1917: Сб. документов. Куйбышев: Куйб. воен.-мед. акад. Кр. Армии, 1942. С. 149–290.
- ³ Варнек Т. А. Воспоминания сестры милосердия (1912–1922) [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.dk1868.ru/history/varnek/varnek1.htm (дата обращения 13.10.2022); Игельстром А. Воспоминания о Первой мировой войне Ольги Григорьевны Федюкиной-Имберх // Проза.Ру [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.proza.ru/2017/08/26/1230> (дата обращения 12.01.2022); Толстая А. Л. Дневники. 1903–1920. М.: Кучково поле, 2015. 336 с.
- ⁴ Военно-санитарный поезд / Сост. Лилия Сенченко. Вологда, 2016. 46 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.kp.ru/best/vologda/voenno-sanitarnyi_poezd_%E2%84%96312/ (дата обращения 11.10.2022).
- ⁵ Вересаев В. В. Записки врача. На японской войне. М.: Правда, 1986. 560 с.; Панова В. Ф. Спутники. Пермь: Кн. изд-во, 1985. 208 с.
- ⁶ Санитарный поезд. Подборки фото [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://drikus.club/164-sanitarnyj-poezd.html> (дата обращения 22.11.2021); Составы жизни. Санитарные поезда НКПС // Военное обозрение. 2018. 12 октября [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://topwar.ru/148735-sostavy-zhizni-sanitarnye-poezda-nkps.html> (дата обращения 22.11.2021).
- ⁷ Гаршин В. М. Очень коротенький роман // Литмир [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.litmir.me/br/?b=55996&p=1> (дата обращения 15.09.2022).
- ⁸ Шперк Ф. Ф. Санитарный поезд № 1 имени Государыни Императрицы и его 16-месячная деятельность во время войны 1877–1878 гг. СПб.: Типо-Литография А. Э. Винеке, 1896. 144 с.
- ⁹ Илинский П. А. Русская женщина в войну 1877–1878. Очерк деятельности сестер милосердия, фельдшер и женщин-врачей. СПб.: Типо-Литография Л. И. Шмидта, 1879. С. 58.
- ¹⁰ Склифосовский Н. В. Тарантасный станок в вагоне для перевозки раненых // Избранные труды / Вводная статья и примечания проф. В. В. Кочанова. М.: Медгиз, 1953. С. 370–373.
- ¹¹ На сопках Маньчжурии // Информационно-тематический портал «Обозник». 8 марта 2020 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.oboznik.ru/?p=32296> (дата обращения 15.09.2022).
- ¹² Иванов И. Е. Впечатление раненого в русско-японскую войну. Подготовка текста: Александров А. В. // XX век и Россия: общество, реформы, революция. 2019. № 7. С. 189.
- ¹³ Там же. С. 222.
- ¹⁴ Поль де Кок – французский романист и драматург XIX века, герои произведений которого отличаются фривольным поведением.
- ¹⁵ Иванов И. Е. Впечатление раненого в русско-японскую войну... С. 191.
- ¹⁶ Военно-санитарный поезд / Сост. Лилия Сенченко...
- ¹⁷ Инструкция санитарной части Северо-Западного фронта о сортировке и эвакуации больных и раненых // Санитарная служба русской армии в войне 1914–1917: Сб. документов. Куйбышев: Куйб. воен.-мед. акад. Кр. Армии, 1942. С. 166–167.
- ¹⁸ Алексиевич С. У войны не женское лицо... М.: Сов. писатель, 1988. С. 10–11.
- ¹⁹ Воспоминания участника ВОВ медсестры Рогановой М. Записал В. Н. Роганов-Крымский // Проза.ру [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://proza.ru/2014/04/23/2388> (дата обращения 11.11.2022).
- ²⁰ Записки сестры милосердия Анны Ждановой. Тверь: Триада, 2014. 238 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://bakunina-fond.ru/wp-content/uploads/2014/11/Zapiski_Sestri_web.pdf (дата обращения 22.10.2021).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аранович А. Эвакуировать во что бы то ни стало // Родина. 2004. № 9. С. 27–31.
2. Баубекова С. А. Из истории общества Красного креста в период русско-японской войны 1904–1905 гг. (по материалам фонда редкой и ценной книги Научной библиотеки ДВФУ) // «Власть книги: библиотека, издательство, вуз». 2017. Вып. 17 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.dvfu.ru/library/almanac-power-books/articles-almanac-17-2017/29_Baubekova.pdf (дата обращения 22.10.2022).

3. Будко А. А., Журавлёв Д. А., Грибовская Г. А. Первое использование российской армией военно-санитарных поездов на театре военных действий (по опыту Русско-турецкой войны 1877–1878 годов) // Война и оружие. Новые исследования и материалы: Труды Восьмой Международной научно-практической конференции. 17–19 мая 2017. Ч. 4. СПб.: ВИМАИВиВС, 2017. С. 366–370.
4. Буряк Ю. Ю. Военно-санитарные поезда СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны // Вестник Томского государственного университета. История. 2021. № 71. С. 11–19. DOI: 10.17223/19988613/71/2
5. Гладких П. Ф. Военная медицина императорской России в Первой мировой войне в 1914–1917 годы // Медико-биологические и социально-психологические проблемы безопасности в чрезвычайных ситуациях. 2017. № 2. С. 5–24. DOI: 10.25016/2541-7487-2017-0-2-5-24
6. Гладких П. Ф. Российская военная медицина в первые годы советской власти // Медико-биологические и социально-психологические проблемы безопасности в чрезвычайных ситуациях. 2017. № 3. С. 5–17. DOI: 10.25016/2541-7487-2017-0-3-05-17
7. Журавлев В. К., Кулеев П. В., Фомин С. А. История развития военно-санитарных поездов в России // Юбилейная научно-практическая конференция – 2021: Сб. материалов Всеармейской науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения генерал-майора медицинской службы О. С. Лобастова. СПб.: Военно-медицинская академия имени С. М. Кирова, 2021. С. 155–160.
8. Зеленская Ю. Н. Культурно-массовая работа на Кировской железной дороге в годы Великой Отечественной войны // Донецкие чтения 2019: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Материалы IV Международной научной конференции. Донецк: Изд-во ДонНУ, 2019. С. 164–165.
9. Карпенко И. В. Бомбардировка санитарных поездов русской армии немецкими и австрийскими самолетами в годы Первой мировой войны // Военно-медицинский журнал. 2018. Т. 339, № 2. С. 87–90 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://journals.eco-vector.com/0026-9050/article/view/72971> (дата обращения 12.10.2022).
10. Климочкина А. Ю. Повседневность сестер милосердия в годы русско-японской войны // Государство, общество, личность: история и современность: Сб. ст. Международной научно-практической конференции, ноябрь 2016 года. Пенза: РИО ПГСХА, 2016. С. 38–45.
11. Ларионов А. Э. Фронтальная повседневность Великой Отечественной войны как объект научной коммеморации в российской историографии // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2022. № 1. С. 37–45. DOI: 10.18384/2310-676X-2022-1-37-45
12. Ларионов А. Э. Фронтальная повседневность Великой Отечественной войны: социальные коммуникации и духовная жизнь РККА 1941–1945 гг. М.: Золотое сечение, 2015. 295 с.
13. Лебедев В. Д. «Проведение мероприятий дали хорошие результаты...»: отчет принца А. П. Ольденбургского императору Николаю II (1915 г.) // Исторический вестник. 2015. Т. 14, № 161. С. 228–275.
14. Меараго Ш. Л. Русские знаменитости в санитарных поездах // Новейшие достижения и успехи развития медицины и фармакологии: Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. Вып. 1. Краснодар, 2016. С. 38–44.
15. Мицюк Н. А., Пушкарева Н. Л. «Не только перевязка мужских ран»: историко-антропологическое исследование медицинского сестринства в годы Первой мировой войны // Сибирские исторические исследования. 2018. № 2. С. 244–252. DOI: 10.17223/2312461X/20/13
16. Нечаева Е. О. Образ медицинской сестры в советском и постсоветском кинематографе // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2022. № 3. С. 104–111. DOI: 10.28995/2073-6401-2022-3-104-111
17. Никогосян Н. Р., Брагиров Г. Б. Транспортировка раненых красноармейцев в годы Великой Отечественной войны: способы и виды // Альманах молодой науки. 2021. № 1 (40). С. 29–30.
18. Никулина П., Иващенко В. А. Роль железнодорожного санитарного транспорта в годы Великой Отечественной войны // Инновационное развитие современной юридической науки: Материалы II ежегодных научных чтений, посвященных памяти профессора А. П. Лончакова. Хабаровск: ТГУ, 2018. С. 117–121.
19. Поршнева О. С. Гендерный фактор политической мобилизации в России в условиях Первой мировой войны: методология и историография // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2022. № 2. С. 21–31. DOI: 10.28995/2073-6339-2022-2-21-31
20. Сенявская Е. С. Военно-историческая антропология: проблемы становления новой отрасли человеческого знания // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2005. № 3 (40). С. 7–14.
21. Сенявская Е. С. От военной истории к военной антропологии: проблемное поле и междисциплинарные подходы в изучении «человека на войне» // Война в человеческом измерении: идеология, психология, повседневность, историческая память: Материалы науч. конф. (г. Москва, 20 марта 2020 г.). СПб.: Алетейя, 2021. С. 11–23 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.hist.msu.ru/upload/iblock/50a/sum72706.pdf> (дата обращения 14.10.2022).
22. Сенявская Е. С. Фронтальная повседневность в войнах России как объект изучения: историографический итог трех десятилетий (1991–2021) // Исторические записки. 2021. № 20 (138). С. 243–257.
23. Сенявская Е. С. Фронтальной быт Великой Отечественной войны: структура и особенности // Вестник антропологии. 2021. № 2. С. 7–25. DOI: 10.33876/2311-0546/2021-54-2/7-25
24. Трегулова Н. П. Роль музыки периода Великой Отечественной войны в духовной жизни России // Тенденции развития науки и образования. 2021. № 78-1. С. 142–144. DOI: 10.18411/trnio-10-2021-39
25. Чиж И. М., Карпенко И. В. Военная медицина в русской армии в годы Первой мировой войны // История медицины 2017. Т. 4, № 2. С. 216–224. DOI: 10.17720/2409-5583.t4.2.2017.08h

26. Чиж И. М., Сергеева М. С., Шматова М. Б., Токарь А. А. Санитарные поезда как средство эвакуации раненых в военных компаниях Российской империи 1877–1917 гг. // *Былые годы*. 2021. № 16 (2). С. 829–839. DOI: 10.13187/bg.2021.2.829
27. Чупраков К. С. Военная музыка как фактор формирования духовного мира военнослужащего Российской армии // *Социально-гуманитарные знания*. 2020. № 2. С. 345–350. DOI: 10.34823/SGZ.2020.2.51358
28. Щеглова Т. К. Культура жизнеобеспечения русского сельского населения в годы Великой Отечественной войны: новые подходы в современной отечественной этнологии / антропологии // *Фундаментальные проблемы гуманитарных наук: опыт и перспективы развития: Материалы Всероссийской науч. конф. с междунар. участием*. Барнаул: АГПУ, 2020. С. 192–199.
29. Hallett C. Russian romances: Emotionalism and spirituality in the writings of “Eastern Front” nurses, 1914–1918 // *Nursing History Review*. 2009. Vol. 17. P. 101–128. DOI: 10.1891/1062-8061.17.101
30. Stoff L. S. *Russia's sisters of mercy and the Great War: more than binding men's wounds*. Kansas: University press of Kansas, Cop. 2015. 375 p.

Поступила в редакцию 05.12.2022; принята к публикации 26.12.2022

Original article

Olga V. Churakova, Cand. Sc. (History), Associate Professor,
Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov (Arkhangelsk, Russian Federation)
ochurakova@yandex.ru

DAILY LIFE OF MILITARY HOSPITAL TRAINS: RESEARCH POTENTIAL OF THE ANTHROPOLOGY OF FRONTLINE EXTREMITY

Abstract. The article deals with the understudied aspects of frontline everyday life: the casual life of military hospital trains during the wars of the first half of the twentieth century. During the functioning of the railway military evacuation service, its structure and management system was changing, the capacity for transporting wounded soldiers increased and the infrastructure improved. Meanwhile, most of the problems of the daily life of the military hospital trains remained the same. The purpose of this work is to reveal the research potential of the anthropology of extreme situations of war using materials related to the daily life of military hospital trains in Russia in the first half of the twentieth century. A wide range of methodological approaches, from social history to emotionology, can be used for the analysis of “small life-worlds”, an example of which was the intentionally constructed space of an ambulance train. Strategies for survival in the marginal circumstances of a mobile rescue vehicle and the extreme nature of being between the theater of operations and the rear – between life and death – can be explored in line with historical and anthropological approaches. In addition to archival materials, personal documents were used as the research sources. The corpus of the ego-documents of mid-level medical workers (sisters of mercy) is the most complete, with the ego-documents of sanitary workers and doctors less available and the narrative sources created by the railway employees practically absent. The interpretation of visual sources (photographs and newsreels) and the representations of an ambulance train image in artistic culture can also be challenging. The study resulted in identifying gaps for further research and finding resources for applying new research trends. Historical psychology allows us to consider the formation of adaptation practices in the field conditions of the war time and reveal the compensatory functions of cultural events in the limited space of an ambulance train. Imagology and gender studies can be effectively used to analyze interethnic and gender communication practices. Interdisciplinary research proves to be the most effective means for dealing with this topic and opens the possibility for the preparation of monographs.

Key words: military hospital trains, medical service, evacuation of the wounded, everyday life history, anthropology of extremity, adaptation practices

For citation: Churakova, O. V. Daily life of military hospital trains: research potential of the anthropology of frontline extremity. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2023;45(1):83–92. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.856

REFERENCES

1. Aranovich, A. Evacuate no matter what. *Rodina*. 2004;9:27–31. (In Russ.)
2. Baubekova, S. A. From the history of the Red Cross Society during the Russo-Japanese War of 1904–1905 (based on the materials of the collection of rare and valuable publications of the Far Eastern Federal University's Scientific Library). *Power of books: library, publishing house, university*. 2017. Issue 17. Available at: www.dvfu.ru/library/almanac-power-books/-articles-almanac-17-2017/29_Baubekova.pdf (accessed 22.10.2022). (In Russ.)
3. Budko, A. A., Zhuravlev, D. A., Gribovskaya, G. A. The first use of military hospital trains by the Russian army in the theater of operations (according to the experience of the Russo-Turkish war of 1877–1878) *Proceedings of the VIII international research and practice conference “War and weapons. New research and materials”*. St. Petersburg, 2017. P. 366–370. (In Russ.)
4. Buryak, Yu. Yu. Military hospital trains of the USSR on the eve and during the Great Patriotic War. *Tomsk State University Journal of History*. 2021;71:11–19. DOI: 10.17223/19988613/71/2 (In Russ.)
5. Gladkikh, P. F. Military medicine of imperial Russia during World War I (1914–1917). *Medico-Biological and Socio-Psychological Problems of Safety in Emergency Situations*. 2017;2:5–24. DOI: 10.25016/2541-7487-2017-0-2-5-24 (In Russ.)

6. Gladkikh, P. F. Medical service of the Russian army in the Russo-Japanese War of 1904–1905. *Medico-Biological and Socio-Psychological Problems of Safety in Emergency Situations*. 2017;3:5–17. DOI: 10.25016/2541-7487-2016-0-3-5-17 (In Russ.)
7. Zhuravlev, V. K., Kuleev, P. V., Fomin, S. A. The history of the development of military hospital trains in Russia. *Proceedings of the all-army research and practice conference dedicated to the 100th birth anniversary of Major General of the Medical Service O. S. Lobastov*. St. Petersburg, 2021. P. 150–160. (In Russ.)
8. Zelenskaya, Yu. N. Cultural work on the Kirov Railway during the Great Patriotic War. *Proceedings of the IV international research conference “Donetsk readings 2019: education, science, innovations, culture and modern challenges”*. Donetsk, 2019. P. 164–165. (In Russ.)
9. Karpenko, I. V. Bombardment of sanitary trains of the Russian army by German and Austrian aircraft during the First World War. *Russian Military Medical Journal*. 2018;339(2):87–90. (In Russ.)
10. Klimochkina, A. Yu. Everyday life of the sisters of mercy during the Russo-Japanese War. *Proceedings of the international research and practice conference “State, society, personality: history and modernity”*. Penza, 2016. P. 38–45. (In Russ.)
11. Larionov, A. E. Frontline everyday life of the Great Patriotic War as an object of scientific commemoration in the latest Russian historiography. *Bulletin of Moscow State Region University. Series: History and Political Sciences*. 2022;1:37–45. DOI: 10.18384/2310-676X-2022-1-37-45 (In Russ.)
12. Larionov, A. E. Frontline everyday life of the Great Patriotic War: social communications and spiritual life of the Red Army in 1941–1945. Moscow, 2015. 295 p. (In Russ.)
13. Lebedev, V. D. “Performing the events have yielded good results...”: Report of Prince A. P. Oldenburgsky to Emperor Nicholas II (1915). *The Historical Reporter*. 2015;14(161):228–275. (In Russ.)
14. Mearago, Sh. L. Russian celebrities in hospital trains. *Proceedings of the international research and practice conference “Latest achievements in the development of medicine and pharmacology”*. Issue 1. Krasnodar, 2016. P. 38–44. (In Russ.)
15. Mitsyuk, N. A., Pushkareva, N. L. “More than binding men’s wounds...”: a historical and anthropological study of nursing care during World War I. *Siberian Historical Research*. 2018;2:244–252. DOI: 10.17223/2312461X/20/13 (In Russ.)
16. Nechaeva, E. O. The image of a nurse in Soviet and post-Soviet cinema. *RSUH/RGGU Bulletin. Series: Philosophy. Social Studies. Art Studies*. 2022;3:104–111. DOI: 10.28995/2073-6401-2022-3-104-111 (In Russ.)
17. Nikogosyan, N. R., Bragirov, G. B. Transportation of wounded Red Army soldiers during the Great Patriotic War: methods and types. *Almanac of Young Science*. 2021;1(40):29–30. (In Russ.)
18. Nikulina, P., Ivashchenko, V. A. The role of military hospital trains during the Great Patriotic War. *Proceedings of the II annual scientific readings in memory of Professor A. P. Lonchakov “Innovative development of modern legal science”*. Khabarovsk, 2018. P. 117–121. (In Russ.)
19. Porshneva, O. S. Gender factor of political mobilization in Russia during the First World War. Methodology and historiography. *RSUH/RGGU Bulletin. Series: Political Science. History. International Relations*. 2022;2:21–31. DOI: 10.28995/2073-6339-2022-2-21-31 (In Russ.)
20. Senyavskaya, E. S. Military and historical anthropology: issues of development of a new branch of human knowledge. *Bulletin of Russian Humanitarian Scientific Foundation*. 2005;3(40):7–14. (In Russ.)
21. Senyavskaya, E. S. From military history to military anthropology: problem field and interdisciplinary approaches to the study of a “man at war”. *Proceedings of the research conference “The human dimension of war: ideology, psychology, everyday life, historical memory”*. St. Petersburg, 2021. P. 11–23. Available at: <http://www.hist.msu.ru/upload/iblock/50a/sum72706.pdf> (accessed 14.10.2022). (In Russ.)
22. Senyavskaya, E. S. Frontline everyday life in the wars of Russia as an object of study: a historiographical summary of three decades (1991–2021). *Commentarii de Historia*. 2021;20(138):243–257. (In Russ.)
23. Senyavskaya, E. S. Frontline life of the Great Patriotic War: structure and specifics. *Herald of Anthropology*. 2021;2:7–25. DOI: 10.33876/2311-0546/2021-54-2/7-25 (In Russ.)
24. Tregulova, N. P. The role of music during the Great Patriotic War in the spiritual life of Russia. *Tendentsii razvitiya nauki i obrazovaniya*. 2021;78(1):142–144. DOI: 10.18411/trnio-10-2021-39 (In Russ.)
25. Chizh, I. M., Karpenko, I. V. Military medicine in the Russian army during World War I. *History of Medicine*. 2017;4(2):216–224. DOI: 10.17720/2409-5583.t4.2.2017.08h (In Russ.)
26. Chizh, I. M., Sergeeva, M. S., Shmatova, M. B., Tokar’, A. A. Sanitary trains as the main means of evacuating the wounded in the military campaigns of the Russian Empire in 1877–1917. *Bylye Gody*. 2021;16(2):829–839. DOI: 10.13187/bg.2021.2.829 (In Russ.)
27. Chuprakov, K. S. Military music as a factor in the formation of the spiritual world of a serviceman of the Russian army. *Social and Humanitarian Knowledge*. 2020;2:345–350. DOI: 10.34823/SGZ.2020.2.51358 (In Russ.)
28. Shcheglova, T. K. Culture of life support of the Russian rural population in the years of the Great Patriotic War: new approaches of modern Russian ethnology / anthropology. *Proceedings of the all-Russian research conference with international participation “Fundamental problems of the humanities: experience and prospects for the development”*. Barnaul, 2020. P. 192–199. (In Russ.)
29. Hallett, C. Russian romances: Emotionalism and spirituality in the writings of “Eastern Front” nurses, 1914–1918. *Nursing History Review*. 2009;17:101–128. DOI: 10.1891/1062-8061.17.101
30. Stoff, L. S. Russia’s sisters of mercy and the Great War. More than binding men’s wounds. Kansas, 2015. 375 p.

Received: 5 December, 2022; accepted: 26 December, 2022